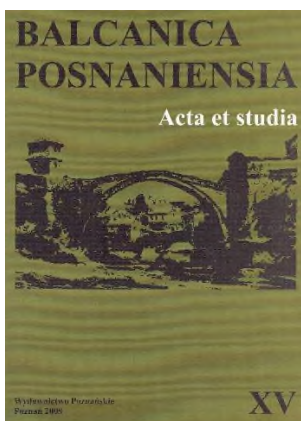

Jaszajewa Tatiana, *Исихазм и возрождение монашества в поздневизантийском Херсоне*, „Balcanica Posnaniensia. Acta et Studia” 2009, т. 15, с. 113–124.

<https://doi.org/10.14746/bp.2009.15.10>

<https://pressto.amu.edu.pl/index.php/bp/article/view/53090>

Instytucją przechowującą materiały źródłowe jest Biblioteka Collegium Historicum Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

<http://bch.amu.edu.pl>

Zadanie zostało zrealizowane w ramach konkursu „Społeczna odpowiedzialność nauki II – Wsparcie dla bibliotek naukowych”. Projekt zatytułowany „Digitalizacja archiwalnych wydań czasopism naukowych zgromadzonych przez Bibliotekę Coll. Historicum UAM”. Projekt dofinansowany ze środków budżetu państwa, przyznanych przez Ministra Nauki w ramach Programu Społeczna odpowiedzialność nauki II. Wsparcie dla bibliotek naukowych (umowa nr BIBL/SP/0092/2024/02 z dnia 05.12.2024). Całkowita wartość projektu: 247 236,00 zł. Kwota dofinansowania: 220 836,00 zł.

The institution storing the source materials is the Library of the Collegium Historicum of the Adam Mickiewicz University in Poznań.

bch.amu.edu.pl

The task was carried out within the framework of the competition “Social Responsibility of Science II – Support for Scientific Libraries”. The project entitled “Digitization of archival editions of scientific journals collected by the Library of the Coll. Historicum of Adam Mickiewicz University”. The project was co-financed from state budget funds granted by the Minister of Science within the framework of the Programme Social Responsibility of Science II. Support for Scientific Libraries (agreement no. BIBL/SP/0092/2024/02 of 05.12.2024). Total value of the project: PLN 247,236.00. Amount of co-financing: PLN 220,836.00.

UNIWERSYTET
IM. ADAMA MICKIEWICZA
W POZNANIU

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Społeczna
Odpowiedzialność
Nauki II

ИСИХАЗМ И ВОЗРОЖДЕНИЕ МОНАШЕСТВА В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

ТАТЯНА Ю. ЯШАЕВА

ABSTRACT. Татьяна Ю. Яшаева, *Hesychazm i odnowienie monastycyzmu w późnobizantyjskim Chersoniezie* (*Hesychasm and the renovation of late medieval monasticism in Cherson*).

Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XV, Poznań 2009, Wydawnictwo Poznańskie, pp. 113-124, ISBN 978-83-7177-519-2, ISSN 0239-4278. Russian text with a summary in English.

Татьяна Ю. Яшаева, Muzeum Chersones Taurydzki, Sewastopol, Ukraina.

Конец XIII-XIV вв. – удивительное время в истории Византии. В империи, восстановленной усилиями Палеологов, невзирая на постигшее очередное бедствие – эпидемию чумы, истребившую треть населения Европы – происходит неожиданный взлет культуры и философско-религиозной мысли, названный историками Палеологовским Ренессансом.

Не менее удивительным и непредсказуемым оказался XIV в. и для бывшего северного форпоста Византии – Херсона (рис.1). Город вступил в это столетие разоренным и сожженным монголо-татарами, экономически задавленным генуэзцами. Не миновала его и общеевропейская трагедия – чума и страшное крымское, землетрясение 1341г. До сих пор историки спорят о том, что представлял собой Херсон в этот период. Одни по-прежнему называют его городом, другие полагают, что от некогда важного северо-понтийского центра остался лишь маленький рыбацкий поселок на берегу Карантинной бухты (Романчук, 1995, с. 152-157; 2000, с. 185-205; Мыц, 1997, с. 65-67; Сазанов, 2005, с. 211-212). Действительно, трудно представить Херсон после всех перечисленных катаклизмов процветающим. Но все же, он не только оправился после катастроф, но и подобно вскормившей его великой державе, пережил, пусть короткий, но достаточно ощутимый культурно-экономический подъем, свой Палеологовский Ренессанс. Как показывают археологические исследования, на пеплище конца XIII в. строились новые дома, часовни, восстанавливались храмы, возрождались жилые кварталы, налаживалось ремесленное производство, возобновлялись торговые связи (Романчук, 2000, с. 185-205). В его округе основывались пещерные и наземные монастыри, поддерживались существовавшие ранее прославленные мемории святых Климента и Мартина, херсонские

храмы украшались искусной резьбой, расписывались фресками в лучших традициях палеологовского искусства.

Пережитые трагедии, показавшие тщету, иллюзорность материальных благ, усилили в поздневизантийском обществе религиозность, привели к подъему духовности. Афонские монахи под руководством Григория Паламы возродили древнюю монашескую практику исихазма. В основу паламизма легла идея о существовании вечного, несозданного (нетварного) Божественного света, появившегося во время преображения Христа на горе Фавор, присутствующего в мире как благодать и просиявшего афонским аскетам-отшельникам в награду за их духовные подвиги. Божественный свет как сущность – абсолютно непознаваем и трансцендентен для человека. При этом в Богочеловеке Христе соединены две абсолютно различные и несовместимые природы-сущности. Так как для человека, как тварного (созданного) существа, такое уникальное соединение невозможно, он может соединиться с Богом лишь через энергию. Необходимым условием восприятия Божественного света исихасты считали мистическое созерцание, сосредоточение, строгий аскетизм, безмолвие или исихию.

Идеи паламизма распространились по всему восточно-христианскому миру. Афонские исихасты посвящали себя так называемому „умному деланию” или „умной молитве”, чтобы опытно познать „действия обоживающей благодати Святого Духа” (Мандзаридис, 2003, с. 127). Афон стал центром монашеского возрождения, которое приняло международный характер (Мейендорф, с. 1995, с. 40). Оно затронуло не только Грецию, но и ряд славянских стран: Болгарию, Сербию, Русь, а также территории, некогда входившие в состав великой державы, в частности, бывший северный форпост Византии в Северном Причерноморье – Херсон.

Согласно данным археологических исследований, в поздневизантийский период в округе Херсона на Гераклеяском полуострове основывается ряд новых монастырей. К настоящему времени их известно восемь, хотя, вполне вероятно, что было их намного больше. Объединяет эти памятники то, что все они были расположены в труднодоступных, уединенных местах, недалеко от природных источников воды: на крутых береговых обрывах или склонах балок (рис. 2). Рассмотрим комплексы, на которых в то или иное время проводились раскопки.

Монастырский пещерный комплекс 1 находится в 7 км от Херсона в Сарандинакиной балке (рис. 2, 1; 3). Он был основан в конце XIII в. и функционировал до середины XV в. (Яшаева, 2006, с. 321-360). Состоял из основного трехъярусного комплекса и отдельных пещерных помещений, высеченных в склонах балки на расстоянии друг от друга. В структуре основного пещерного комплекса выделено три блока: литургический, погребально-мемориальный и хозяйственный.

На стенах храма и монастырских помещений были высечены раннехристианские символы: корабли, буквы: альфа-омега (рис. 4). В Херсонесе этого периода раннехристианские сюжеты с изображением виноградной лозы, рыб, агнцев, кораблей встречаются также на поливной керамике (Залесская, 1993, с. 369; Яшаева, 2001, с. 182-184). Сам факт использования раннехристианской символики

в поздневизантийское время не является чем-то парадоксальным, так как в палеологовский период в восточно-христианском мире наблюдается возрождение раннехристианских традиций, которое многие исследователи связывают с распространением исихазма. Символическое мироощущение, обращение к святоотеческому наследию, к символике и иконографии раннего христианства – характерные черты культуры и духовности данной эпохи. Эти процессы, как мы видим, нашли свое отражение и в Херсоне.

Следующая группа монастырских комплексов находилась в 13 км от Херсона, на юго-западных обрывах Гераклеяского полуострова, представляющих собой обрывы сарматского известняка с многочисленными карнизами, гrotами, нишами. Отвесный берег понижается к морю несколькими террасами, надежно защищенными скальным массивом от северного ветра и имеющими природные источники воды. В обрывах скалы и на террасах монахами было основано несколько маленьких монастырьков, объединенных впоследствии в единую лавру.

Пещерный монастырский комплекс 2 находится на расстоянии 2 км от м. Феолент у мыса Виноградного (рис. 2,2; 5) (Яшаева, 1994, с. 71-81). Он был устроен в большом естественном гроте, протяженностью по продольной оси – 23м, в отвесных обрывах скалы. Он включал в себя: храм, кельи, хозяйственный блок, склеп с гробницами. В одной из пещер был святой источник – агисма, от которого до наших дней дошло лишь пересохшее русло и вырезанный рядом с ним в скальном полу крест. Во время археологических исследований из русла был извлечен немногочисленный, но разнообразный и показательный материал, определивший время существования комплекса: это – фрагменты поливной керамики, встречающейся в Таврике в слоях XIII-XV вв.

Комплекс 3 был наземный (рис. 2,3; 6). Он находился в 200-х метрах, к западу, непосредственно на мысе Виноградном (Яшаева, 1995, с. 146-151). Он включал в себя церковь (рис. 6,1), расписанную полихромными фресками, двухкомнатную келью (рис. 6, 4,5), подсобное помещение (рис. 6,3), крытый внутренний дворик, выполнявший при необходимости странноприимные функции (рис. 6,2). На территории дворика в слое пожара среди прочих находок были встречены оборотная створка древнерусского энколпиона с изображением Богоматери с Младенцем, чашки-кубки, константинопольского производства, выполненные в технике „sham-pleve” с изображением барса и галеры с гребцами (Яшаева, 2005, с. 255, рис. 4). Отшельнический характер комплекса подчеркивается его уединенным труднодоступным местоположением, простотой внутренней планировки. Судя по материалу, постройки появляются на мысу в XIII в., а в конце XIV в. гибнут в пожаре, следы которого фиксируются во всех помещениях.

Комплекс 4 расположен на территории современного Георгиевского монастыря (рис. 2,4). По данным археологии он возник не ранее XIII в., хотя церковное предание относит его основание к IX в., когда греческие моряки, застигнутые бурей, потерпели здесь кораблекрушение. Видя свою неизбежную гибель, они, как повествует легенда, стали призывать на помощь святого великомученика Георгия Победоносца, который мгновенно явился на большом камне недалеко от берега и буря

тотчас утихла. Спасенные греки, добравшись до камня, обрели там икону святого Георгия, вынесли ее на берег, и в скальном обрыве вырубили пещерную церковь. Наиболее благочестивые из них остались жить в этих скалах как пустынники.

Самые ранние документальные сведения о монастыре принадлежат польскому послу к крымскому хану Мартину Броневскому, посетившему обитель во время своего дипломатического путешествия по Крыму в 1578 г. и оставившему следующее описание: „....В том месте, откуда вытекает этот ручеек, есть деревня, не ничтожная, и неподалеку, на берегу моря, на каменистой горе, греческий монастырь. Там обычно празднуют ежегодное торжество св. Георгия благочестивые греки-христиане, еще остающиеся в Тавриде, стекаясь многочисленным сборищем” (Броневский, 1867, с. 341-342). В 1598 г. монастырь „Егория Страстотерпца, что в Корсуні...” и его представитель игумен Мелентий упоминаются наряду с другими крымскими монастырями в жалованной грамоте русского царя Бориса Годунова и царевича Феодора, а в 1626 г. – в грамоте, присланной греческим митрополитом Иосифом.

К настоящему времени от средневекового монастыря сохранилась только одна пещерная церковь, частично перестроенная (рис. 7).

Ниже современного Георгиевского монастыря, на крутом склоне в обрыве скалы, был устроен еще один пещерный скит (рис. 2,5). Высеченные в скале были пещеры расположены в три яруса. Нижний ярус имел хозяйственное назначение, верхний – занимали кельи; пещерный храм был сооружен в среднем ярусе (рис. 8). Алтарная апсида храма была ориентирована по оси запад – восток, в плане полукруглая, к абсиде вплотную примыкал высеченный в скале престол. С левой стороны от престола была ниша в стене, очевидно, служившая жертвенником, с правой стороны – ниша-сиденье. Апсида отделялась от наоса невысокой, также высеченной в материковой скале алтарной преградой с царскими вратами. Справа к храму примыкало смежное пещерное помещение, вероятно, трапезная. С храмом она сообщалась дверным проемом. С левой стороны храма было еще одно пещерное помещение со следами пиროнов в стене, возможно, ризница. Вокруг центрального комплекса было несколько одиночных пещерных келий, высеченных на разной высоте в обрывах скалы.

Пещерные монастырские комплексы, основанные в окрестностях Херсона в поздневизантийский период, имели все признаки лавр, которые согласно определению Краутхаймера, представляли собой совокупность келий или пещер, предназначенных для монахов-отшельников, имеющих общий центр, содержащий церковь и иногда трапезную (Krautheimer, 1986, p. 519). В херсонском предместье можно выделить две лавры: Сарандинакинскую (рис. 2,1) – в центральной части Гераклеийского полуострова с единым общим центром, протяженностью около 6 км и Феолентовскую (рис. 2,2-5) – на юго-западных обрывах Гераклеийского полуострова, протяженностью 5 км, включавшую в себя существовавшие ранее келлии и исихастерии.

Проведенные археологические исследования показали, что трудовая деятельность монахов, подвизавшихся в этих пещерных монастырях, не имела широкого

размаха и диктовалась, в основном, насущными нуждами, что также характерно для лаврского уклада. На каменистых склонах балок монахи выращивали виноград, производили вино, излишки которого, вероятно, обменивали на зерно. Нет никаких данных о занятиях монахами какими-либо ремеслами, например, косторезным или гончарным. Кувшины, горшки, чаши, миски и другая простая и глазурированная посуда, вероятно, покупались или обменивались.

Устройство лавр за городскими стенами Херсона в этот период закономерно. Лаврский уклад вполне отвечал духу времени: с одной стороны он давал взаимную поддержку монашеству „в условиях дестабилизации и усиления атак на исихазм”, а с другой – не препятствовал внутренней молитвенной сосредоточенности. Само расположение лаврских обителей в уединенных, труднодоступных местах, их идеоритмическая внутренняя организация как нельзя лучше располагали к исихастской практике „умного деланья”.

Ораспространении идей исихазма в Херсоне не сохранилось прямых данных, но имеется ряд косвенных свидетельств. Наиболее существенным представляется тот факт, что один из херсонских епископов – Кирилл – был паламитом. Он поставил свою подпись под Паламитским томосом от 1351 г. (как и ранее, в 1347 г., митрополиты Готии и Сугдеи Петр и Евсевий). Немаловажны также торговые и паломнические связи Херсона, существовавшие в XIV в. с такими центрами, как Фессалоника, где епископом был Григорий Палама, и Константинополь – место пребывания вселенского патриарха Филофея, ученика и друга Паламы, „руководителя монашеского возрождения” (Бочаров, 2005, с. 323, рис.14; Яшаева, 2005, с. 255, рис. 4). Наконец, в XIV в. духовным и интеллектуальным центром восточно-христианского монашества, частью которого являлись и херсонские монахи, был исихастский Афон, безусловный авторитет которого подвигал пустынников к аскезе безмолвия.

Таким образом, основание новых монастырей и распространение лаврского уклада среди херсонского монашества в конце XIII-XIV вв. можно связать с победой в восточно-христианском мире паламизма и проникновением идей исихазма в Херсон.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Г., *Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. Поливная керамика средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.*, Киев, 2005.
- Броневский М., *Описание Крыма*, ЗООИД, 1867, t.VI.
- Залеская В.Н., *Балканская керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье*, Преслав, 1993, t. IV.
- Krautheimer R., *Early Christian and Byzantine Architecture*, New Haven 1986. S. v. lavra (p. 519).
- Мыц В.Л., *О дате гибели византийского Херсона: 1278 г., Международная конференция „Византизм и Крым”*, Тезисы докладов, Симферополь 1997.
- Мейендорф И., *Духовное и культурное возрождение XIV в. и судьбы Восточной Европы*, Православие и современный мир, Минск 1995.

Райс Д.Т., *Искусство Византии*, М., 2002.

Ромнчук А.И., *Херсон XIV в. – город или полудеревенское поселение? (К вопросу о датировке верхнего слоя разрушения Херсонесского городища)*. Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма, Севастополь 1995.

Романчук А.И., *Очерки истории и археологии византийского Херсона*, Екатеринбург 2000.

Сазанов А.В., *К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса, Причерноморье в средние века*, Санкт-Петербург 2005.

Яшаева Т.Ю., *Пещерный комплекс в округе Херсонеса, Проблемы истории и археологии Крыма*, Симферополь 1994.

Яшаева Т.Ю., *Раскопки позднесредневекового христианского скита на м. Виноградный, Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*, Севастополь 1995.

Яшаева Т.Ю., *О типах загородных монастырей средневекового Херсона на Гераклейском полуострове, Международная конференция „Византия и Крым”. Тезисы докладов*, Симферополь 1997.

Яшаева Т.Ю., *Раннехристианская символика в поздневизантийском загородном монастыре Херсонеса, Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона*, Севастополь-Краков 2001.

Яшаева Т.Ю., *Поливная керамика из загородных пещерных монастырей Херсона, Поливная керамика средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.*, Киев 2005.

Яшаева Т.Ю., *Поздневизантийская лавра Херсона*, МАИЭТ, вып. XII, т. 1. Симферополь, 2006

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗООИД – „Записки Одесского Общества истории и древностей”

МАИЭТ – „Материалы по истории, археологии и этнографии Таврики”

HESYCHASM AND THE RENOVATION OF LATE MEDIEVAL MONASTICISM IN CHERSON

Summary

The monks of the Mount Athos under the leadership of Gregory Palamas revived the ancient monastic tradition of hesychasm in the thirteenth and fourteenth centuries. The ideas of Palamas were spread over the entire East Orthodox world. It is hard to trace the ways in which hesychasm penetrated Cherson, located on the northern outskirts of the Byzantine Empire, but some theories can be expressed. One of the bishops of Cherson, Cyril, was certainly a follower of Palamas' revival. He signed a tomos of the followers of Palamas of 1351. It seems that an important role played the economic (social and cultural) relations between Cherson and Thessaloniki, where Palamas was the bishop, and Constantinople, where the ecumenical patriarch Philotheos, friend and disciple of Palamas, resided. Finally, the spiritual and intellectual center of the East Byzantine monasticism in the fourteenth century, to which the Cherson monks belonged, was located on Mount Athos.

The influence of the monastic renovation in Mount Athos reached not only Greece, but also Slavic lands as well as territories that once belonged to the great Byzantine Empire (including Cherson). The archaeological explorations in the vicinity of Cherson proved that new monasteries (lavra) were built in the late Byzantine

period were based on previous existing small hermitages and sketes. The structure of Lavra fully responded to the needs of the new times: on one hand it allowed the monks to help each other, and on the other hand it did not disturb the conducting of contemplative prayers. The lavras were located in remote distance from urban centers. Their internal structure was most conducive to practicing „wise prayers.” The development of monasticism in Cherson at the end of the thirteenth and fourteenth centuries was connected with the victory of palamism in the East Byzantine sphere.

Translated by Rafał Witkowski

